

Анна Анатольевна Забельская

Древнерусские «сказки»: новгородские страницы истории Стрельны

*У*ил в XV веке странствующий рыцарь по имени Гильбер де Ланноа. Вел обычную рыцарскую жизнь — сражался, искал чести и славы, совершал паломничества к святым местам, но от многих рыцарей отличался тем, что был любопытен и желал «изведать мир». И будь история российская несколько иной, имя этого рыцаря вошло бы во все отечественные учебники. Педагоги рассказывали бы детям, что еще в 1413 году Великая Русь уже была богатой и вольной страной, и жили в ней неплохо не только бояре, но и обычные граждане, а рыцарь Гильбер де Ланноа, посетивший в тот год Русь и Великий Новгород под видом купца, описал это в своих знаменитых записках. И удивился он тому, как велика Русь и как обширен Великий Новгород, и богатству бояр и горожан, и тому, что русские Великой Руси не

признают других властителей, кроме тех, кого захочет община, и победам русских над ливонцами, и страшным русским морозам...

Но история отечественная сложилась иначе. Та Великая Русь, о которой писал рыцарь — Новгородские земли — была уничтожена двумя Иванами Васильевичами, великими князьями московскими — Иваном III и внуком его Иваном Грозным в конце XV — XVI веках. Уничтожение назвали «присоединением», желание великого князя московского увеличить свою личную вотчину — «сбором земель российских», и для общего спокойствия о данном факте позабыли. Московское государство и при Романовых, пришедших на смену Рюриковичам, не поощряло воспоминаний о «присоединении» Великого Новгорода.

Поэтому почти через 500 лет после того, как удивлялся странствующий рыцарь, пришло время удивиться члену Комитета грамотности Вольного Экономического Общества И.А. Горчакову.

На торжественном собрании Императорского Вольного Экономического общества 31 октября 1885 года в присутствии Почетного Президента Общества, Е.И.В. Великого Князя Николая Николаевича Старшего, Горчаков поделился с присутствующими своим впечатлением от знакомства с новгородскими и шведскими писцовыми книгами:

«Слыша постоянные жалобы хозяев наших на затруднительность ведения дела, на недороды и полнейшие неурожаи, грозящие сделаться хроническими даже в наиболее счастливых местностях, невольно приходишь к заключению, что сельское хозяйство, этот главный источник нашей экономической силы, находится в неудовлетворительном состоянии.

То же самое приходится слышать и о других отраслях народного хозяйства, связанных с земледелием; и они, как многие утверждают, приходят постепенно в упадок.

Между тем, мне недавно пришлось взглянуть в далекое прошлое исконного русского края, и я удивлен был представившеюся мне картиной сравнительного довольства и относительно широкой хозяйственной деятельности. Тем более я был удивлен, что до той поры, подобно большинству, я ошибочно представлял себе этот край во мраке прошедших времен — каким-то сплошным болотом, в котором лишь кое-где мог ютиться рыболов-финн, также молчаливый и сумрачный, как и окружавшая его природа.

Этот край, родной для многих из нас, милостивые государи; край этот — большая часть нынешней Петербургской губернии, а в те отдаленные времена, о которых я хочу беседовать с вами, Вотская часть Шелонской пятины Новгородской области.

Упомянутая мною картина относительного довольства населения этого края в давно минувшие времена невольно напрашивается на сравнение с настоящим и вызывает ряд различных вопросов. Ответить же на эти вопросы можно только ознакомившись с условиями экономической жизни прошлого этого края, и я полагаю, что полученные таким образом ответы много бы способствовали выяснению экономической неурядицы нашей губернии».

Удивление И.А. Горчакова, видимо, было разделено участниками торжественной встречи, но к выяснению «экономической неурядицы» Петербургской губернии никто не приступил, никто не разъяснил и «непонятные явления». Господин Горчаков вряд ли думал о том, что «выяснение экономического положения Петербургской губернии в XV–XVII веках» невозможно без знания истории Новгородских земель, а история эта и до сих пор изучается только узким кругом специалистов.

Конечно, не только И.А. Горчакову было сложно представить себе хрестомайного русского крестьянина сытым, одетым и обутым. Представить себе таким древнерусского крестьянина вообще было невозможно. Меж тем, прямо здесь, на берегах Невы и Мойки, Охты и Тосны, Стрельны и Славянки, на островах Васильевом и Фомине, на берегах Котлина озера (Финского залива) и Ладожского озера, в XV веке жили именно такие древнерусские крестьяне. Рожь, ячмень и овес они сеяли, баранов, свиней, кур, коров и пчел разводили, масло сбивали, лен выращивали, полотно ткали, сено косили, охотились, ловили рыбу, короче говоря — такие странные древнерусские крестьяне жили в наших местах 500 лет назад. Я даже сомневаюсь в том, что они ходили в лаптях. Может, только летом. Безуспешно искал нищих земледельцев А.М. Гневушев, автор исследования об экономической жизни Новгородских земель. Нищета пришла позже, после «присоединения» и введения крепостного права.

Так что образ босого, голодного и угнетенного древнерусского крестьянина никак не вписывается в историю новгородскую.

Если перечислить все, что сдавали жители Кипенского, Дудоровского, Спасского и Ижорского погостов (сегодня на этой территории расположена большая часть Санкт-Петербурга с пригородами), в качестве «дохода», то есть, оброка, то мы увидим хлеб (зерно), рыбу — сига невских, лососей, ершей и корюшку, сыр (творог), пиво, лен, полотно, масло, дрова, мясо, мед, бруснику, сено, пряжу, овчины, а недалеко от Кипени было село Глухово, и его жители, платили оброк солью — уникальное явление в наших краях.

Такую активную хозяйственную деятельность сложно представить в местах, сплошь поросших непроходимым лесом, перемежающимся топкими болотами. Даже на Котлине-острове были деревни, жители которых выращивали хлеб и накашивали сотни копен сена.

В качестве примера опишем одну из волостей «в Ореховском уезде, в Ижерском погосте волость в Калганицах на усть Невы в Поморье». Сегодня это южный и северный берега Финского залива от устья Невы до Петродворца и Лахты. В волости было в конце XV века 60 деревень (среди них — две деревни Телтеницы, превратившиеся, после «присоединения», в пустоши Большой и Малый Тельтнис, а в XVIII веке — в деревню Тентелеву), а дохода (оброка) с этой волости шло: более 40 баранов, 32 полти мяса, 3 борова, 625 сига, 15 сыров, 50 блюд и

Фрагмент «Карты бывших губерний Иван-города, Яма, Копорья, Нэтеборга, показывающей разделение и состояние этого края в 1676 году»

14 ставцов масла, 69 кур, 15 бочек и 3 ведра пива, 17 бараньих лопаток, 6 пятков льну.

Если бы А.С. Пушкин имел возможность познакомиться с истинной историей новгородской, то никогда бы не написал знаменитые строки: «На берегу пустынных волн, стоял Он, дум великих полн». Поэт, разумеется, узнал бы и о том, что часть вышеназванной «волости в Калганицах», была отдана великим князем московским Иваном III «в поместье» его дальним родственникам: Михаилу, Якову, Юрию и Федору Пушкиным. Иван III выселял новгородцев «на низ», в Московское княжество, а на их земли помещал (отсюда и слово «помещик»), москвичей. Правда, землей помещики не владели, вся она принадлежала великому князю, а «в поместье» давалась в качестве жалования: пока служишь великому князю — земля твоя, перестал служить — и земля переходила другому.

Но, увы, во времена Александра Сергеевича уже сложилась легенда о том, что Петербург был построен на пустынном берегу, на болоте, на исконно русских землях, отбитых у шведов. В такие подробности, как существование на этих землях (задолго до шведов) новгородских сел и деревень, предпочитали не вдаваться. Как говорится, к черту подробности!

А мы как раз этими подробностями и займемся. Вот описание «среднестатистической» деревни, расположенной на землях нынешнего Санкт-Петербурга: «В Спасском погосте в Городенском... Дер. на устье Мьи, двор Левон Васильев да Илейка Онашкин, сеют ржи шесть коробей, а сена косят 15 копен, две обжи. А старого доходу шло два сыра, два блюда масла, две бочки пива, двадцать яиц, а из хлеба четверть; а ключнику полкоробья ржи, коробья овса, два сыра, два ставца масла, бочка пива. А нового дохода и за хлеб деньгами шесть гривен, а ключнику полкоробья ржи, пол коробья овса, две деньги, сто сивов...»

Для начала уточним: «старый доход» — это то, чем платили крестьяне за аренду земли собственнику этой земли, а собственниками были новгородские бояре, купцы, горожане и даже сами земледельцы — в этом случае они назывались «своеземцы». Как следует из названия — люди владели своей землей.

«Новый доход» — это плата великому князю московскому, который «присоединил» новгородские земли к своей вотчине.

Теперь попробуем разобраться с обжами, коробьями, ставцами и пятками, поскольку Археографическая комиссия, издавая «Новгородские писцовые книги», не потрудились объяснить непонятные термины.

Коробья — мера сыпучих тел, например, зерна — 7 пудов. Кстати, в коробьях могла считаться и пашня — столько-то коробей пашни — для того, чтобы засеять такую-то площадь, надо столько-то коробей зерна. Чтобы читателю легче было ориентироваться в размерах угодий наших далеких предков, приведу подсчет из книги В.А. Кусова «История познания земель российских»: 1 коробья пашни — 3 десятины, 1 десятина — 1, 12 га. т.е. 1 коробья — 3, 36 га.

Обжа — понятие сложное. Одни исследователи считают, что это не единица измерения площади, а окладная (фискальная) единица, другие — что эта мера земельной площади: от 3 до 5 десятин в зависимости от качества земли.

Пяток льну — примерно 500 грамм льняного семени, горсть льну — 300 граммов. Новгородские пуд меда и пуд масла — примерно 19 килограммов.

Воз сена — 20-25 пудов.

Блюдо масла — около 2 килограммов, ставец масла — около килограмма.

Острамок сена — 10 пудов, копна сена — 5 пудов.

Полть мяса — половина туши коровы;

Бочка пива — 20 ведер.

Читателю наверняка интересно узнать о ценах, существовавших в те времена. Цены можно определить, хотя бы приблизительно, путем простого сравнения — Иван III начинал замену натурального оброка денежным, поэтому в писцовых книгах указано: вместо того, чтобы сдавать борова, надо заплатить 1,5 гривны, вместо барана — 4 деньги, за курицу — деньгу, за гуся — 2 деньги, за пуд масла — полторы гривны, за 100 яиц — 3 деньги, за коробью ржи — 10 денег, за коробью овса — 5 денег... (В новгородской гривне было 14 денег, в московской — 20).

Не только довольством крестьян отличается домосковская история наших мест от последующей. Названия деревень на Неве — Кузла (Кузница), Кузнецово, Корабельница, говорят сами за себя. Город Ладога, как и Великий Новгород, был городом ремесленников.

Боярская усадьба в конце 17 столетия
(Брикнер А.Г. История Петра Великого. СПб., 1882-1883)

Не были наши края и дальней провинцией. Господин Великий Новгород к XV веку владел огромной территорией, располагавшейся на берегах Финского залива, Белого моря, Ладожского и Онежского озер, рек Онега, Северная Двина, Мезень, Пинега, Печора, Кама, Вятка, вплоть до Урала. Задолго до Ермака новгородцы побывали в Сибири и на берегах Северного Ледовитого океана.

Так что район Котлина озера был чем-то вроде новгородского «пригорода».

О том, что сообщение между Новгородом и Приневьем было неплохое, говорят фрагменты писцовых книг, посвященные рыболовству:

«В Ладожском уезде погост Городенский... В Городенском же погосте на Кирьеволоцком песку, на Ладожском озере Великого князя 16 тонь. А ловят их приезжая из Новагорода гороцкие люди: Данша Ондронов из Неревского конца, с Лазаревские улицы, да Кирилко Федоров, да Харло Дорофеев, да Терех Федотов, да Микифорко Ондrejaнов из Цедеской улицы, да Игнат Кузмин, да Максимко Трофимов, да Демешко Гридин с Яковли улицы, да Ондронко Федосеев, да Ивашко Проскурницын, да Максимко Гридин с Запольские улицы. А Великого Князя

оброка давали с тех тонь со всех три рубли Новгородские. А ловят шестнадцатью неводою».

«На Кирьеволоцком же песку тоня владычня, а ловит на владыку приезжая из Новагорода владычен повар одним неводом».

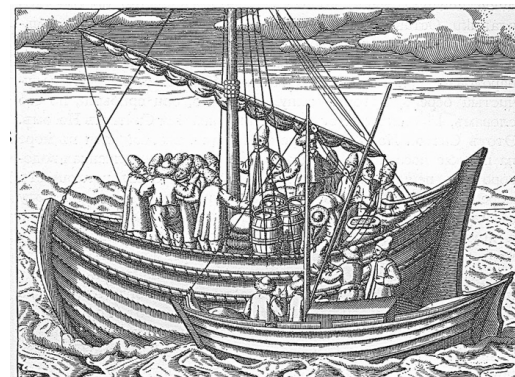
То есть новгородская рыболовецкая «бригада» и повар архиепископа Новгородского (владыки) специально приезжали, или, скорее всего, приплывали на Ладогу, половить в тонях рыбу.

Эти идиллические сельские картины жизни новгородских крестьян и рыболовов начали исчезать после «присоединения» Новгородских земель к Москве при Иване III в 1478 году, а завершили разорение наших мест опричники Ивана Грозного, дошедшие до Карелии.

Монография «Аграрная история Северо-Запада России XVI века» сдержанно констатирует: «Книги 1571–1573 гг. рисуют картину ужасающего запустения в Водской пятине... Формула начала 1570-х годов «збежал от царевых податей», «запустили от государского тягла и от государских посох», «опричники живот погробели, а скотину засекли, а сам умер, дети безвестно сбежали».

А в начале XVII века земли по берегам Финского залива после Столбовского мира 1617 года отошли к Швеции.

Дальнейшая история известна: Северная война, закладка Санкт-Петербурга, и появление легенды о «берегах пустынных волн». Как она возникла? Надо полагать — не при Петре. Он прекрасно знал, что Ингерманландия — не заросшее ольхой болото, а совсем не бедная шведская провинция.

Русские промысловики в ледовитом океане (Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб., 1908)

В записках неизвестного автора, побывавшего в составе польского посольства в Санкт-Петербурге в 1720 году, есть такая фраза: «Дворец этот, из которого далеко видно, расположен на красивой равнине».

Дворец, о котором говорит автор, — Кикины палаты, в них располагалась тогда Кунсткамера. Так что на берегах Невы были не только болота, но и красивые равнины. И леса, по свидетельству того же автора, тщательно охраняемые: «Около города нельзя и розги срезать, хотя там на пространстве в несколько миль растет множество березы, пихты и сосен». Тоже, как вы понимаете, не совсем «болотная» растительность...

Но нет ничего более живучего, чем сказка. Сказка о бедных древнерусских крестьянах, всю жизнь ходивших в одной рубахе или о городе, восставшем из «топи блат» по мановению руки венценосного владыки. Жаль, что сказки порой заменяют подлинную историю.

Литература

Аграрная история Северо-Запада России XVI века. - Л., 1974.

Гневушев А.М. Отрывок писцовой книги Водской пятины второй половины 1504–1505 гг. – Киев, 1908.

Гневушев А.М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. – Киев, 1915.

Географические известия, издаваемые Императорским русским географическим обществом. – СПб., 1850. Вып. 1.

Киевские университетские известия. – 1873. – № 8. Отд. 2.

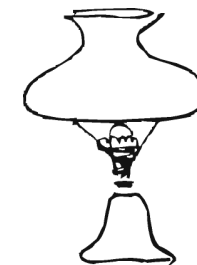
Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией. – СПб., 1859. Т. 3. – 1868.

Русская старина. – СПб., 1879. Т. XXV.

Самоквасов Д.Я. Архивный материал: новооткрытые документы помещико-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII столетий: [в 2 т.]. – М., 1905–1909.

Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. – М., 1994.

Хмелевская Е.М. Пушкин: исследования и материалы. – Л., 1958.

*Золотые кладовые:
библиотеки, архивы, музеи*

*Тамара Юрьевна Монакова,
директор библиотеки
Анна Анатольевна Чумичева,
заместитель директора*

Областная медицинская библиотека:

к 65-летию со дня основания

Сведения о существовании медицинских библиотек на территории Петербургской губернии до 1917 года носят отрывочный характер. Библиотеки для земского медицинского персонала устраивались по инициативе и на средства земств. Средств этих было недостаточно. Данные о наличии библиотек и о составе их фондов отмечались в отчетах земских управ.